

А. С. Исполинов*

ПЕРВОЕ РЕШЕНИЕ СУДА ЕАЭС: РЕВИЗИЯ НАСЛЕДСТВА И ИСПЫТАНИЕ ИСКУШЕНИЕМ

Автор анализирует первое решение Суда ЕАЭС, в котором рассматривалась жалоба заявителя на бездействие ЕЭК. Сравняется подход, избранный Судом Союза, с подходами Суда ЕврАзЭС и Суда ЕС к рассмотрению исков такого рода. Автор утверждает, что позиция, изложенная в итоговом решении Суда ЕАЭС, гораздо реалистичнее, чем крайне жесткая позиция Суда ЕврАзЭС, и более соответствует необходимому уровню сотрудничества между Судом и ЕЭК в вопросах контроля за исполнением государствами-членами Союза своих обязательств.

Ключевые слова: Суд ЕАЭС, бездействие ЕЭК, дело Тарасика

Суд ЕАЭС, приступивший к работе в начале 2015 г., относится к международным судам второго поколения наряду с ЕСПЧ и Судом ЕС. Классические суды (например, Международный суд ООН) рассматривают только межгосударственные споры и только при согласии спорящих сторон, т. е. наделены факультативной юрисдикцией. В отличие от классических международных судов, суды новой волны обладают как обязательной юрисдикцией, так и полномочием рассматривать споры по искам частных лиц. Именно частные лица сегодня представляют собой наиболее активную категорию заявителей в международном правосудии. Они не отягощены соображениями большой политики и более последовательны и настойчивы в судебной защите своих прав, чем государства. Рассмотрение их жалоб является основным (и иногда чуть ли не единственным) направлением деятельности новых международных судов.

Все суды второго поколения начинали свою деятельность достаточно скромно. Они нарабатывали авторитет и доказывали свою полезность и эффективность не только создавшим их государствам, но и потенциальным заявителям. Тот же Суд ЕС в первые пять лет своего существования ежегодно рассматривал не более десяти дел, а первое преюдициальное заключение было им вынесено через четыре года после получения таких полномочий. В этом отношении Суд ЕАЭС не исключение – он вынес свое первое решение по существу спора лишь 29 декабря 2015 г.

В отличие от того же Экономического суда СНГ, деятельность которого целиком зависит от обращений государства, Суд ЕАЭС благодаря сочетанию обязательной юрисдикции и прямого доступа частных лиц может сам влиять на степень своей загруженности, максимально расширяя либо сужая возможности частных лиц (самой многочисленной клиентуры Суда) подать жалобу в Суд. Первым этим воспользовался Суд ЕврАзЭС, и одно из избранных им направлений оказалось потенциально неисчерпаемым. Имеется в виду сформулированный в решении Суда ЕврАзЭС от 7 октября 2014 г. по делу «Вичюнай-Русь»¹ подход к искам о бездействии ЕЭК, при рассмотрении которых Суд ЕврАзЭС занял крайне

* Кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва).

¹ URL: <http://rg.ru/2014/10/17/jaloba-site-dok.html>.

невыгодную для Комиссии позицию. В этом решении Апелляционная палата Суда ЕврАзЭС прямо заявила, что «ЕЭК следует обращаться в Суд с запросом о толковании международных договоров, составляющих договорно-правовую базу ТС, если имеются основания полагать, что данные договоры, в частности, не единообразно применяются в разных государствах-членах или в одном государстве к разным хозяйствующим субъектам».

Речь в этом пассаже идет об ответах Комиссии на жалобы частных лиц о фактах неисполнения (нарушения) государствами-членами Таможенного союза своих обязательств. С точки зрения Суда ЕврАзЭС, ЕЭК не может и не должна отвечать на какие-либо жалобы частных лиц на действия государства. Любое обращение частных лиц с подобными жалобами Комиссия обязана передавать в Суд, а любой самостоятельный (т. е. без помощи Суда) ответ Комиссии заявителю, даже самый полный, должен влечь за собой обращение частного лица в Суд с иском о бездействии ЕЭК.

Таким образом, Суд стал единственным обладателем права проверять все ответы Комиссии заявителям на соответствие самым разным критериям, определяемым самим Судом (полнота, правомерность, корректность и т. д. – список не имел ограничений). Такой креативный подход позволял Суду компенсировать недостатки собственной преюдициальной юрисдикции, слабость которой состояла в том, что с запросами в Суд ЕврАзЭС могли обращаться только высшие суды стран-членов Таможенного союза (чего они делать отнюдь не хотели). Данный подход также предоставлял Суду ЕврАзЭС возможность контролировать национальное законодательство стран-членов Таможенного союза с точки зрения его соответствия договорам Таможенного союза.

Очевидно, что названный подход при всей своей внешней привлекательности, которую придавало ему декларируемое Судом желание обеспечить контроль за исполнением государствами своих обязательств, с самого начала обладал серьезными изъянами. Во-первых, он фактически подразумевал не только неограниченную дискрецию Суда, но и абсолютное отсутствие таковой у ЕЭК, что полностью исключало возможность наладить сотрудничество между Судом и Комиссией в этом крайне важном и чувствительном вопросе. Во-вторых, он нес в себе высокий конфронтационный потенциал. Ведь если Суд признает бездействие ЕЭК неправомерным, то он должен обязать ее принять меры против государства-члена Союза даже тогда, когда Комиссия этого сделать не может или думает, что не должна этого делать, или просто не хочет в силу ряда политических факторов, о которых Суд может даже не догадываться. Контрпродуктивность такого подхода также очевидна. Любой суд заинтересован в том, чтобы его решения исполнялись. Вынести именно на стадии становления Союза решение, обязывающее ЕЭК предпринять меры против какого-либо влиятельного члена Союза, – значит заведомо согласиться с тем, что решение не будет исполнено. ЕЭК не служба судебных приставов, а решения международного суда не меч-кладенец, на котором выгравировано «*Pacta sunt servanda*». Любой рационально мыслящий международный суд должен предвидеть все правовые и политические последствия своих решений.

Отдельно отметим, что решение по делу «Вичюнай-Русь» было вынесено 7 октября 2014 г., когда уже стало ясно: новый Суд Союза лишится преюдициальной юрисдикции, что неизбежно повлечет за собой проблемы применения права ЕАЭС на национальном уровне. Представляется, что, вынося это решение, судьи знали о том, что через три дня будет подписан Договор о прекращении де-

тельности ЕврАзЭС. В ст. 3 Договора говорится, что для обеспечения единства и стабильности правового регулирования в ЕАЭС «решения Суда ЕврАзЭС продолжают действовать в прежнем статусе». При таком раскладе решение по делу «Вичюнай-Русь» можно рассматривать как домашнюю заготовку Суда ЕврАзЭС для нового Суда Союза, позволяющую не только компенсировать потерю преюдициальной юрисдикции, но даже расширить юрисдикцию Суда за счет приобретения права косвенно контролировать национальные нормы на предмет их соответствия праву Союза. Кроме этого, решение по делу «Вичюнай-Русь» ставило ЕЭК перед незавидным выбором – либо перманентная война с государствами при каждом обращении частных лиц (и никакой дискреции, как в ЕС), либо превращение ЕЭК в некий перевалочный пункт, когда любой ответ Комиссии заявителю расценивался бы как неприятная для ЕЭК, но неизбежная часть процедуры передачи вопроса в Суд через иски о бездействии ЕЭК.

Суд ЕАЭС, приступивший к рассмотрению первого дела, оказался перед необходимостью либо согласиться с подходом Суда ЕврАзЭС, изложенном в решении по делу «Вичюнай-Русь», либо отказаться от него, выработав свое понимание того, что же считать бездействием ЕЭК и как она должна реагировать на жалобы частных лиц о невыполнении государствами-членами ЕАЭС своих обязательств. И первая, и вторая инстанции Суда ЕАЭС решили эту проблему по-разному.

В своем первом решении¹ от 28 декабря 2015 г. Суд рассматривал обращение индивидуального предпринимателя К. П. Тарасика из Казахстана, который оспаривал бездействие ЕЭК. В октябре 2014 г. заявитель обратился в Комиссию с жалобой на действия таможенных органов Казахстана, которые самостоятельно, без оглядки на ТН ВЭД ТС, квалифицировали ввезенные заявителем из США пикапы как моторные транспортные средства на шасси легкового автомобиля с жесткой стационарной перегородкой, отделяющей кабину от грузового отсека. В результате пикапы отнесли к подакцизным товарам и потребовали от заявителя уплаты доначисленных акцизов. Все местные суды поддержали действия таможенников. В ответе заявителю ЕЭК сообщила, что правовая оценка правомерности действий и решений таможенных органов находится вне ее полномочий. Поскольку вопросы уплаты акцизов входят в сферу компетенции государств-членов Союза, обращение К. П. Тарасика было направлено в Комитет государственных доходов Министерства финансов Казахстана. Именно такая реакция ЕЭК и была сочтена истцом как бездействие.

В ст. 39 Статута Суда Союза предусмотрено право Суда рассматривать заявления хозяйствующих субъектов об оспаривании действий (бездействия) Комиссии, непосредственно затрагивающих их права и законные интересы. К удивлению ЕЭК, Суд принял жалобу Тарасика к рассмотрению, признав *a priori*, что бездействие ЕЭК все-таки имело место. Несмотря на то что в итоге бездействие было признано Судом соответствующим праву Союза и не нарушающим права истца, любопытен сам ход рассуждений Суда, который дал свое толкование как процедуре обжалования бездействия ЕЭК, так и процедуре мониторинга и контроля за исполнением государствами входящих в право Союза международных договоров и решений Комиссии.

При квалификации действий ЕЭК (которая ответила заявителю в установленные сроки!) как бездействия решающей, судя по всему, стала позиция Суда ЕС. В решении Суда ЕАЭС указано: «Суд ЕС придерживается правовой позиции, согласно которой бездействием признается отказ института Европейского Союза исполнять возложенные на него правом Европейского Союза обязанности. При

¹ URL: <http://courteurasian.org/page-24051>.

таких обстоятельствах заявитель имеет право на иск о бездействии, даже в случае получения отрицательного ответа института Европейского Союза на свое обращение. Само по себе формирование позиции институтом Европейского Союза не препятствует рассмотрению иска о бездействии». Далее идет ссылка на решение Суда ЕС по делу *Parliament v. Council*¹.

Позволим себе не согласиться как с уместностью ссылки на решение Суда ЕС, так и с общей оценкой его практики. Начнем с того, что само дело *Parliament v. Council* крайне специфично и касается полномочий Европарламента, не указанных в договорах. Кроме того, вывод, сформулированный в последнем предложении приведенной цитаты, кардинально расходится с реальной практикой Суда ЕС по таким искам.

Порядок рассмотрения Судом ЕС исков о бездействии институтов ЕС предусмотрен ст. 265 Договора о функционировании ЕС, которая применяется гораздо более гибко, чем ст. 39 Статута Суда ЕАЭС, и исходит из того, что целью таких исков является прежде всего побуждение институтов ЕС к сотрудничеству и диалогу. В силу этой статьи бездействие института ЕС можно оспорить, если только он по истечении двух месяцев не определил свою позицию. Так, в соответствии с практикой Суда ЕС если институт изложил свою позицию в установленные сроки (неважно, в какой форме и как эта позиция была доведена до заявителя), заявитель лишается права обращаться в Суд, чтобы оспорить бездействие института. Например, именно к такому выводу пришел Суд ЕС в решении по делу *GEMA v. Commission*². В этом деле заявитель обжаловал письмо Комиссии за подписью руководителя департамента, объясняющее, почему Комиссия не может принять то решение, о котором просят заявители. Не правда ли, обстоятельства этого дела схожи с обстоятельствами дела Тарасика?

Еще больше расходится с практикой Суда ЕС позиция Суда ЕАЭС по вопросам контроля за исполнением государствами-членами своих обязательств. ЕЭК в соответствии с п. 43 Положения о Комиссии осуществляет мониторинг и контроль за исполнением международных договоров, входящих в право Союза, и решений Комиссии, а также уведомляет государства-члены о необходимости их исполнения. До создания ЕАЭС ЕЭК также имела право обращаться в Суд ЕврАзЭС с иском против государства (ст. 20 Договора о ЕЭК), и Суд подтверждал факт нарушения. Однако при разработке Договора о ЕАЭС ЕЭК этого права лишилась.

В Европейском союзе аналогичная функция мониторинга и контроля возложена на Комиссию ЕС, и она также может обращаться в Суд ЕС за подтверждением факта нарушения в рамках процедуры вынесения заключения о нарушении государствами договоров (*infringement procedure*) (ст. 258 Договора о функционировании ЕС). Первоначально Комиссия ЕС относилась к указанной функции как к очень серьезному политическому инструменту, который можно использовать только в случае крайней необходимости. В середине 1960-х гг. Комиссия вообще не инициировала такие расследования. Сейчас это уже достаточно формализованный механизм, счет открытым Комиссией делам идет на сотни³. Однако Комиссия ЕС все равно исходит из того, что при неисполнении государством своих обязательств вопрос должен быть улажен через «структурный диалог» с этим государством, поэтому 93 % таких дел разрешаются еще до обращения Комиссии

¹ ECJ Case 302/87 *European Parliament v. Council* [1988] ECR 5615.

² ECJ Case 125/78 *GEMA v. Commission* [1979] ECR 3173. Paras. 17–18.

³ Например, в 2014 г. Комиссия инициировала 893 дела о нарушениях странами-членами ЕС своих обязательств по праву ЕС (Report from the Commission – 32nd Annual Report on monitoring the application of EU law. 2014 COM(2015) 329. P. 13 // URL: http://ec.europa.eu/atwork/applying-eu-law/docs/annual_report_32/com_2015_329_en.pdf).

в Суд ЕС¹. Используя для этих целей как результаты собственных расследований, так и жалобы частных лиц, Комиссия ЕС, тем не менее, откровенно признает, что не все получаемые ею жалобы повлекут применение процедуры, предусмотренной ст. 258². Более того, Комиссия недавно разработала свой порядок приоритетности рассмотрения таких жалоб³. Если жалоба не относится к числу приоритетных, Комиссия намерена вместо формальных процедур расследования использовать другие механизмы.

Такой подход Комиссии ЕС к контролю и мониторингу, где главное – это диалог, а не принуждение, поддерживается и Судом ЕС. Есть дела, обстоятельства которых практически идентичны обстоятельствам дела Тарасика. Так, в деле *Star Fruit v. Commission*⁴ бельгийская компания обвинила Комиссию ЕС в бездействии из-за отказа начать *infringement procedure* против Франции в ответ на обращение заявителя. В п. 11 этого решения сказано, что в силу наличия у Комиссии свободы усмотрения при выборе варианта ответа на полученную жалобу частного лица она не обязана инициировать *infringement procedure* в каждом конкретном случае. Соответственно, дискреция, которой обладает Комиссия при рассмотрении жалоб частных лиц на действия государств, исключает какую-либо возможность частного лица требовать, чтобы Комиссия заняла определенную позицию по вопросу жалобы, а также оспорить в Суде ЕС отказ Комиссии инициировать *infringement procedure* на основе его жалобы. По мнению Суда ЕС, такое оспаривание невозможно ни в порядке процедуры аннулирования решений Комиссии (отказ Комиссии начать процедуру, предусмотренную ст. 258 Договора о функционировании ЕС, не является актом, порождающим правовые последствия), ни в порядке обжалования ее бездействия⁵. Более того, Суд не оценивает правомерность и разумность использования Комиссией таких дискреционных полномочий⁶.

Надо отметить, что исследователи права ЕС в целом позитивно оценивают сложившуюся практику взаимодействия Комиссии и Суда ЕС по вопросам рассмотрения жалоб частных лиц на действия стран-членов ЕС, хотя и указывают пути ее улучшения и обеспечения открытости⁷.

¹ Communication from the Commission – «A Europe of Results – Applying Community Law» 2007. COM(2007) 502. P. 4 // URL: <http://ec.europa.eu/transparency/regdoc/index.cfm?fuseaction=list&coteId=1&year=2007&number=502&language=EN>.

² Так, только за 2014 г. Комиссия обработала 3744 обращения от частных лиц с сообщениями о нарушениях государствами-членами ЕС своих обязательств по праву ЕС, однако только по 447 таким жалобам Комиссия начала двусторонний диалог с государствами в рамках программы «EU Pilot» и лишь 223 жалобы легли в основу начатой *infringement procedure* (Report from the Commission – 32nd Annual Report on monitoring the application of EU law. P. 9).

³ К числу приоритетных жалоб относятся те, в которых подняты вопросы, например, об эффективности и качестве имплементации директив, о соответствии национальных правовых норм основным принципам права ЕС, а также вопросы, которые серьезно затрагивают интересы ЕС (European Governance – A White Paper. COM (2001) 428 final, 25 July 2001. P. 26 // URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:52001DC0428>).

⁴ ECJ Case 247/87 *Star Fruit v. Commission* [1989] ECR 291.

⁵ Суд первой инстанции ЕС в решении по делу *SDDDA v. Commission* заявил: «Комиссия не обязана инициировать *infringement procedure* против государства-члена ЕС, наоборот, у Комиссии есть дискреционные полномочия по оценке жалобы, что исключает любое право частного лица требовать от Комиссии занять определенную позицию» (CFI Case T-47/96 *SDDDA v. Commission* [1996] ECR II-0000. Para. 42).

⁶ Case C-200/88 *Commission v. Greece* [1990] ECR I-4299. Para. 9.

⁷ *Rawlings R. Engaged Elites Citizen Action and Institutional Attitudes in Commission Enforcement // European Law Journal. Vol. 6. Is. 1. P. 4–28; Arnall A. The European Union and its Court of Justice. Oxford, 2006. P. 35.*

Как видно из текста решения Коллегии Суда ЕАЭС по делу Тарасика, Суд ЕАЭС, в отличие от Суда ЕС, склонен придерживаться гораздо более радикальной позиции, занятой еще Судом ЕврАзЭС, при которой любое (!) обращение хозяйствующих субъектов с жалобами на нарушение государствами права Союза должно неизбежно заканчиваться в Суде Союза. Коллегия Суда Союза, принимая жалобу к рассмотрению, по всей видимости, руководствовалась именно логикой решения по делу «Вичюнай-Русь». Иначе трудно объяснить, почему Коллегия проигнорировала ответ ЕЭК Тарасику (для Суда ЕС одного лишь факта такого ответа было бы достаточно для отказа принимать иск к рассмотрению).

Однако создается впечатление, что в ходе дальнейшего разбирательства большинство судей Коллегии начали испытывать сомнения в необходимости именно такого жесткого подхода, который на практике привел бы к установлению недвусмысленного косвенного контроля Суда за действиями государств, что явно вступило бы в противоречие с нормами Статута Суда. В итоге эти сомнения вылились в замысловатые рассуждения Суда Союза о том, что деятельность по взиманию акцизов регламентируется на уровне государств и не входит в сферу компетенции Союза. Следовательно, бездействие ЕЭК было правомерным, так как не нарушало право Союза. Незаметно для себя Суд пришел к такому же выводу, что и ЕЭК в ответе заявителю. Только судья К. Л. Чайка в своем особом мнении безуспешно взывал к необходимости следовать выводам Суда ЕврАзЭС, изложенным в решении по делу «Вичюнай-Русь»¹. Большинство судей Коллегии Суда Союза отказалось это делать, пересмотрев тем самым наследство Суда ЕврАзЭС.

В своем решении от 3 марта 2016 г. Апелляционная палата Суда ЕАЭС согласилась с итоговым выводом Коллегии Суда, тем не менее немного по-другому расставив акценты. Внимательное прочтение текста этого решения позволяет заключить следующее.

Во-первых, по всей видимости, судьи второй инстанции во многом руководствовались чувством корпоративной солидарности, не только согласившись с финальным выводом первой инстанции, но и поддержав многие ее рассуждения. Такую позицию можно понять и принять. Для Суда ЕАЭС это первое решение, и важно было продемонстрировать и себе, и всему миру отсутствие кардинальных разногласий среди его судей и готовность к коллективной и коллегиальной работе.

Во-вторых, очевидно, что правильность подхода, изложенного в решении по делу «Вичюнай-Русь», вызывает сомнения и у судей апелляционной инстанции Суда ЕАЭС и они также желают найти более конструктивное решение проблемы исков о бездействии ЕЭК.

В-третьих, были нивелированы явные промахи первой инстанции, например неверные ссылки на решения Суда ЕС, а вот исправление некоторых принципиальных элементов решения первой инстанции оставлено на потом. Надо полагать, коррективы будут внесены при рассмотрении Судом новых жалоб на бездействие ЕЭК.

Важным и безусловно правильным представляется вывод Суда о том, что мониторинг исполнения государствами своих обязательств нужно расценивать не как осуществление Комиссией наднациональных контрольных функций, а как процесс взаимодействия ЕЭК и государств. Было бы ошибкой подходить к деятельности ЕЭК и Суда с позиции национальных правоохранительных органов, ведь ЕЭК не прокуратура, Суд ЕАЭС не высший национальный Суд, а ЕАЭС

---

¹ URL: <http://courteurasian.org/page-24051>.

не государство со своим аппаратом принуждения и принципом разделения властей. ЕЭК и Суд постоянно взаимодействуют с государствами-членами Союза.

Апелляционная палата не стала открыто ни отрицать, ни подтверждать наличие у ЕЭК дискреции при инициировании ею процедуры мониторинга по жалобам частных лиц (о том, что такая дискреция есть у Комиссии ЕС и что она признается Судом ЕС, уже было сказано). Это поставило бы под удар решение судей первой инстанции, которые признали свою юрисдикцию по делу Тарасика, как раз исходя из позиции Суда ЕврАзЭС по делу «Вичюнай-Русь» о том, что любой ответ ЕЭК заявителю равнозначен ее бездействию. Апелляционная палата предложила другой выход, заявив, что обязанность ЕЭК начать процедуру мониторинга по жалобе частного лица возникает лишь тогда, когда заявитель предоставил в ЕЭК достаточные и объективно обоснованные сведения о нарушении прав и законных интересов хозяйствующего субъекта. По мнению второй инстанции, отсутствие таких сведений, их непредставление, а равно отсутствие самого нарушения не порождают встречной обязанности Комиссии проводить мониторинг. В деле Тарасика несогласие заявителя с действиями таможенных органов не служит достаточным основанием для начала процедуры мониторинга и должно разрешаться заявителем на национальном уровне. В этом случае отказ ЕЭК инициировать процедуру мониторинга не может считаться неправомерным бездействием (но все же это бездействие!). (Отметим, что за кадром остался вопрос о том, кто в итоге проверяет ту самую «достаточность и объективную обоснованность» представляемых заявителем сведений.)

Придя к приведенному заключению, Апелляционная палата, очевидно, посчитала, что сделано уже достаточно, применила принцип судебной экономии и не стала далее вдаваться в исследование вопросов соответствия налогового законодательства Казахстана положениям ТН ВЭД ЕАЭС и другим документам ЕАЭС. Вместо этого она лишь указала, что первая инстанция сделала правомерный вывод о том, что установление перечня подакцизных товаров по «наиболее чувствительным» товарам не входит в компетенцию Союза и является исключительным правом государства-члена Союза.

Апелляционная палата своим решением внесла также новую нотку в вопрос о соотношении международного права и права Союза. Напомним, что первая инстанция исходила из того, что Женевское соглашение о принятии единообразных технических предписаний, которое было ратифицировано всеми странами-членами ЕАЭС еще до создания Союза, автоматически стало частью правопорядка Союза. Вторая инстанция с этим не согласилась, заявив, что Женевское соглашение применяется только между государствами-участниками, но не включено в право Союза и не является обязательным для ЕАЭС в целом. Соответственно Комиссия не обладает полномочиями по осуществлению мониторинга за исполнением Республикой Казахстан Женевского соглашения. Это вывод позволил второй инстанции избежать применения норм Женевского соглашения, на чем в свою очередь настаивал заявитель.

Такой подход резко контрастирует с позицией Суда ЕврАзЭС, который в одном из первых своих решений по делу «ОНП»¹ признал частью права Таможенного союза Конвенцию 1983 г. о гармонизированной системе описания и кодирования товаров, также ратифицированную странами-членами Таможенного союза задол-

¹ Решение Апелляционной палаты Суда ЕврАзЭС от 21 февраля 2013 г. по делу ООО «ОНП» // URL: <http://rg.ru/2013/02/27/evrazes-onp-dok.html>.

го до его создания. Время покажет, является ли такое отношение Суда Союза к международным договорам лишь тактическим ходом либо это начало выстраивания Судом ЕАЭС собственного правопорядка.

Тем не менее некоторые вопросы остались без ответа и потребуют разъяснения в следующих решениях Суда ЕАЭС по искам о бездействии ЕЭК. Это в первую очередь касается первой части рассуждений Коллегии Суда, основанных на презумпции решения по делу «Вичюнай-Русь», согласно которой любой отрицательный ответ ЕЭК заявителю считается бездействием. Кроме того, по-прежнему актуален вопрос о начале такого бездействия. По мнению первой инстанции, бездействие ЕЭК началось с момента возникновения спора заявителя с местными таможенными органами, т. е. в 2012 г. (хотя обращение заявителя в ЕЭК датировано 2015 г.). Первая инстанция настаивала на том, что спор заявителя с таможенными органами возник в результате бездействия ЕЭК, которая была обязана обеспечить реализацию международных договоров и осуществлять мониторинг и контроль.

Это утверждение не только противоречит выводу второй инстанции об обязанности заявителя предоставить в ЕЭК «достаточные и объективно обоснованные сведения» о нарушении его прав, чтобы ЕЭК могла инициировать процедуру мониторинга. Неясен сам смысл данного заявления первой инстанции. Понятно, если оно сделано в парадигме решения по делу «Вичюнай-Русь»: тогда ЕЭК отводится роль либо бессловесного почтальона, передающего любые жалобы частных лиц в Суд, либо безжалостного прокурора, который появляется в первую секунду возникновения у заявителя проблем (что нереально на практике). Если же судьи Суда ЕАЭС исходят из реалистичного подхода к разрешению этих вопросов, приведенный вывод нужно пересмотреть.

В заключение можно сказать, что первое решение Суда ЕАЭС (особенно решение Апелляционной палаты) производит весьма благоприятное впечатление. Очевидно, что среди судей идут напряженные дискуссии, заметно их желание не предаваться безудержному легализму и иллюзорному утверждению авторитета за счет других институтов Союза, а определить свою роль в развитии евразийской интеграции.

Рассмотренное Судом Союза дело еще раз напомнило о том, что сегодня суды на международном уровне ни при каких обстоятельствах не могут играть роль, аналогичную той, которую на уровне государств выполняют национальные суды. Можно даже говорить о врожденной уязвимости международных судов, вытекающей из того, что все они создаются государствами. Именно государства утверждают их правила процедуры, объем полномочий и бюджет, назначают судей, а также разрабатывают, принимают и изменяют международные договоры, которые международные суды призваны толковать и применять. Учитывая решающую роль государств в этом процессе, можно говорить о том, что современные международные суды обладают ограниченной независимостью¹. Поэтому ни один международный суд не ведет себя так, как суд национальный. Не имея за своей спиной судебных приставов и всей государственной машины принуждения,

¹ Так, одни исследователи международного правосудия пишут, что «даже независимые трибуналы действуют в зоне ограниченной независимости» (*Helper L., Slaughter A.-M. Why States Create International Tribunals: A Response to Professors Posner and Yoo // California Law Review. 2005. Vol. 93. P. 930*). Другие говорят о том, что международные суды имеют ограниченный выбор в своем нормотворчестве (*Ginsburg T. Bounded Discretion in International Judicial Lawmaking // Vanderbilt Journal of International Law. 2005. Vol. 45. P. 632*).

международные суды вынуждены полагаться на силу убеждения, а не принуждения. Первое решение Суда Союза внушает надежду на то, что эти соображения разделяются также судьями Суда Союза. Нам нужен не воюющий со всеми сразу, а сильный, успешный и авторитетный Суд, действующий в связке с сильной и авторитетной Комиссией.

Список литературы

Arnulf A. The European Union and its Court of Justice. Oxford, 2006.

Case C-200/88 *Commission v. Greece* [1990] ECR I-4299.

CFI Case T-47/96 *SDDDA v. Commission* [1996] ECR II-0000.

Communication from the Commission – «A Europe of Results – Applying Community Law» 2007. COM(2007) 502 // URL: [http://ec.europa.eu/transparency/regdoc/index.cfm?fuseaction=li](http://ec.europa.eu/transparency/regdoc/index.cfm?fuseaction=list&coteId=1&year=2007&number=502&language=EN)

ECJ Case 125/78 *GEMA v. Commission* [1979] ECR 3173.

ECJ Case 247/87 *Star Fruit v. Commission* [1989] ECR 291.

ECJ Case 302/87 *European Parliament v. Council* [1988] ECR 5615.

European Governance – A White Paper. COM (2001) 428 final, 25 July 2001 // URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:52001DC0428>.

Ginsburg T. Bounded Discretion in International Judicial Lawmaking // *Vanderbilt Journal of International Law*. 2005. Vol. 45.

Helper L., Slaughter A.-M. Why States Create International Tribunals: A Response to Professors Posner and Yoo // *California Law Review*. 2005. Vol. 93.

Rawlings R. Engaged Elites Citizen Action and Institutional Attitudes in Commission Enforcement // *European Law Journal*. Vol. 6. Is. 1.

Report from the Commission – 32nd Annual Report on monitoring the application of EU law. 2014 COM(2015) 329 // URL: http://ec.europa.eu/atwork/applying-eu-law/docs/annual_report_32/com_2015_329_en.pdf.

Особое мнение судьи Чайки К. Л. (дело № CE-1-2/2-15-KC) // URL: <http://courteurasian.org/page-24051>.

Решение Апелляционной палаты Суда ЕврАзЭС от 21 февраля 2013 г. по делу ООО «ОНП» // URL: <http://rg.ru/2013/02/27/evrazes-onp-dok.html>.

Решение коллегии Суда ЕАЭС от 28 декабря 2015 г. по делу ИП К. П. Тарасика // URL: <http://courteurasian.org/page-24051>.

Решение Суда ЕврАзЭС от 7 октября 2014 г. по делу «Вичюнай-Русь» // URL: <http://rg.ru/2014/10/17/jaloba-site-dok.html>.